

The background of the cover is a vibrant, abstract illustration. On the left, a large, gnarled tree trunk with thick roots dominates the foreground. The sky and background are filled with swirling, colorful brushstrokes in shades of purple, blue, green, and orange, suggesting a magical or dreamlike atmosphere. In the lower center, a man wearing a hat and a woman in a long dress stand with their backs to the viewer, looking out over a landscape. To the right, a silhouette of a dragon's head is visible, looking towards the couple. The overall style is painterly and whimsical.

АНАСТАСИЯ СТРЕЛЬЦОВА

ЛЮБИТЬ ДРАКОНА

Иллюстрации
Евгения

12+

Анастасия Стрельцова

Любить Дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44586999

SelfPub; 2019

Аннотация

В один прекрасный день в небольшом средиземноморском городке поселилась волшебница, и ей пришло в голову рассказать тем, кто здесь не бывал, о солнечном Аликанте, его жителях и гостях, приезжающих сюда со всего мира. За шутливым тоном зарисовок автора проглядывает непростая правда о жизни в эмиграции. Сказочница написала несколько городских новелл и фантастическую повесть. Все эти истории привязаны к городу света и любви – Аликанте. Читая рассказы Анастасии Стрельцовой, понимаешь, что можно всё изменить в своей жизни и найти себе место даже за тридевять земель от тех краев, где родился.

Содержание

Аликантийский цикл	9
Прогулки по Аликанте	12
Счастливые люди поют	18
Падрушенька	21
Братки	24
Аликанте, я люблю тебя	27
Случай на Меркадо Централь	30
Шалунишка	35
Ло Морант	38
Plaza de Toros	40
Случай на бульваре	44
Городские сказки	46
Пуговкины сказки	46
Сказки для добрых	56
Рисунок городской сказки	61
Любить Дракона	76
Три страха	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

День начинается с низких глубоких басов, бесшумно светлеет небо и будит город:

– Вставай, вставай, новый день принесет новые чувства!

И вот бэк-вокалом чайки ведут свою мелодию; шум шин, крики детей, клаксоны, скрип деревянных подмостков, брошенных через яму, вырытую за ночь строителями.

У города своя мелодия, и она не повторяется.

Декаданс, бокал с толстым дном, темный янтарь напитка, строгий костюм. Тут же шорты и пыльные ноги в шлепанцах. Рояль и разбитая гитара. Панамки, банданы, бейсболки, кепи, сомбреро. Гладкий ламинат волос, курчавый беспорядок, ритм светофоров и далекий шум моря, который врывается в общий гул.

Слушая ритмы Аликанте, натираю перила балкона до блеска. Седобородый коренастый рабочий в оранжевом жилете и каске приветственно машет рукой и начинает петь настоящую серенаду. Смысл ее примерно такой: прекрасная незнакомка так хороша, что заставляет небо, солнце, облака, ветер и меня любоваться ею.

Двое других рабочих присоединяются в терцию. Поют прекрасно, а капелла, и я, как и полагается в особо трогательных случаях, прослезилась, улыбаясь.

Нет ничего во мне такого, что есть в нынешних красотках. Но этот подарок наполнил таким теплым и настоящим, что захотелось немного похвастать. Впрочем, женщин здесь лю-

бят, и будь я даже горбатой, беззубой, лысой столетней ягой, мне бы всё равно спели.

В Аликанте меня не покидает чувство, что я всё время иду по красной ковровой дорожке.

Это Испания...

Здесь всё пропитано любовью к жизни. А главное богатство – люди.

Герои этой книги живут в солнечном, красивом, древнем городе – в городе любви Аликанте.

«Аликантийские зарисовки» – о жизни в эмиграции, о веселом и грустном. Ну а городские сказки из этого цикла заставляют поверить в существование чудес.

Фантастическая повесть «Другой сценарий» берет свое начало здесь же, в Аликанте. Любовь, приключения в других мирах погружают нас в водоворот быстро сменяющихся событий.

Могла бы я поверить еще три года назад, что напишу целую книгу? Нет, я долго бы смеялась над таким предположением. Мне повезло, что семья была со мной, друзья вселили надежду, читатели писали свои отзывы в социальных сетях.

Спасибо, дорогие мои. За ваше терпение, за чтение еще сырых текстов.

Моей маме, Татьяне Николаевне Мартыновой, спасибо за детство, проведенное в библиотеке.

Спасибо редактору Виталию Сероклинову и корректору Владимиру Титову за их самоотверженный труд и бережное

отношение к начинающему автору. Спасибо иллюстратору, нежной, юной талантливой художнице Еве Эллер и нашему художественному руководителю Даниилу Тихонову. Он совершенный руководитель наших художеств.

Спасибо Знаешеву Игорю Владимировичу за его веру в меня и терпение.

Спасибо моим подругам Шаховой Наталье и Драчевой Инессе.

И главное, спасибо Дракону, моему дорогому мужу Павлу Стрельцову-Мартинесу за вдохновение, поддержку, терпение и любовь.

Мы живем в старом скромном доме на краю центра города Аликанте и мечтаем о том, как будем держать эту книгу в руках.

Напротив моего окна очень старый балкон, внутри облицованный мраморной плиткой, пожелтевшей от времени. Тут есть крошечный столик и два стула. На дверном проеме кружевная занавеска. Связанная крючком, с комичной оборкой поверху, она точно указывает на характер хозяйки квартиры.

В подвесном ящике для цветов растет буйное нечто. Не знаю, как правильно называются эти выющиеся сиреневые пионы, свисающие до самой земли. Они расцвели в дождливые дни и теперь не могут остановиться, разрастаясь все пышнее.

Сосед снизу, тот самый, что подсматривал за мной и Дра-

коном, а потом вальяжно делал вид, что курит, обмакивая сосиску вместо сигары в бокал с детской смесью, воровато оглядываясь, ночью выстриг круглое окошечко в цветочном «занавесе». Теперь он курит настоящую сигару глубоким вечером через эту зеленую прореху, неизменно галантно раскланиваясь со мной. Мы никогда не разговариваем, но всегда приветствуем друг друга.

С недавнего времени на балкончике с кружевной занавеской стоит один стул. А сегодня молодая и крепкая девица в откровенных шортах, знаете, такая упругая, гладконогая, с длинными черными волосами, которые она встряхивала энергичным жестом, сорвала занавеску и засунула в большой пластиковый пакет. Потом долго курила, облокотившись о перила, а после закрыла балконную дверь, стыдливо поблескивающую стеклом, оставшись впервые за несколько десятилетий без кружевного платья.

Сосед снизу, покачав головою, оторвал два кусочка «пиона». Жестом показал, что один ему, один мне, для рассады.

Пойду заберу, может, укоренится, и за водопадом цветов спрячется старый фасад.

В этой книге – моя душа, сердце и надежда.

Желаю приятного чтения, обнимаю, люблю.

Анастасия Стрельцова.

Просто Настя.

Аликантийский цикл

Не место красит человека, а человек место. При всей моей любви к Москве и Питеру, Костроме и Оренбургу, Астрахани и Припяти сейчас я живу в Аликанте. Городе света и любви, гостей и местных старожилов.

Уверена, вам будут интересны подробности из истории моего края. Приезжая на десять дней, люди имеют в запасе ограниченное количество желаний и дефицит витамина D, не ищут лишней информации, лишь море их влечет. А те, что живут в Аликанте, не смотрят в глубь веков.

Первое упоминание о городе датируется дохристианской эпохой. И этому есть письменные доказательства. Как и тому, что уже тогда местным мужчинам была знакома эпиляция воском разных частей тела, особенно груди, дабы за латы густые кудри южных красавцев не цеплялись. Так что вы там со смешочками и хиханьками по этому поводу будьте, пожалуйста, поосторожнее, ибо *a la guerre comme a la guerre*, ничто не должно отвлекать настоящего воина.

Историки и исследователи уверены, что климат и географическое положение сыграли главную роль в развитии аликантийского региона. Здешние мирные аграрии выращивали все, что только можно, строили замки и с упоением впитывали любую культуру, что забредала погреться. Захватчики,

сами того не понимая, обогатили нашу провинцию больше, чем разграбили: захватчики приходят и уходят, а винишко удалось, хамончик припасен. Кроме всего прочего, исследователи настаивают, что без окружающих поселений, виноградников, апельсиновых и оливковых рощ и прочих угодий грош цена всем нашим музеям и архитектуре. Голый церковный камень не наполнит желудок и не поселит радость в сердце.

Провинция Аликанте полна красот. Высокогорья Хихоны разительно отличаются от прибрежных поселений, но вместе они составляют изумительный узор провинции. Это земля контрастов: каменистые пейзажи сменяются песками самой настоящей пустыни, горы покрыты соснами и лавандой, с ними соседствуют бесконечные пляжи, а главное богатство этих мест – море.

Не все знают, но валенсийцы, когда не были заняты гостями из Рима и Крита или мытьем окон, запорошенных порошком, трепетно относились к своей истории и увлекались раскопками. Если местные находили что-то древнее и непонятное, то откапывали и оставляли: потомки в XXI веке разберутся, что с этим можно сделать. А потомки сидят, репу чешут и думают: денег нет, а тут еще 600 человек в лодке приплыли голодными... Ладно, сделаем пока... ну хотя бы музей под открытым небом, а в XXII веке точно как-нибудь разгребут все это. Именно благодаря такой практике у нас множество открытых музеев – например, тот же Лусентум

в Альбуферете. Отличный музей, кстати, филиал археологического музея Аликанте, так что всем советую, кто не был. Жаль только, что летом там жарко, а зимой у туристов не хватает на это сокровище времени. Первый вопрос, который я слышу от приезжих: где у вас аутлет? И меркнет после этого слава римских легионов, и ни к чему Кандинский и Пикассо, что выставлены в нашем музее современного искусства. Они печально там висят на стене нежного фисташкового оттенка, а кроксы за двенадцать евро едут в далекий Сургут, дабы напоминать в банном тумане человеку, что есть такие места на Земле, где солнце бывает всегда.

Прогулки по Аликанте

Утром легкий ветерок напоминает, что жизнь полна сюрпризов. Он бодрит и прогоняет скуку. Странные дела творятся, Создатель, в нашем городе: в июне – дождь! Он сильный и прохладный, льющийся из черных туч, которые, как опалы, обрамлены золотой каймой прорывающихся солнечных лучей. Влажный воздух шокирует новой палитрой запахов. Цветочный привкус прорывает оборону морского бриза. Соль исчезает из каждого вдоха, и легкие наполняются ароматом меда, цитруса и корицы. Капли дождя отмыли всю зелень до блеска. Фикусы теперь украшены не листьями, а овальными зеркалами, отражающими лица. Улыбка появляется при виде тысячи собственных отражений.

На следующий день асфальт еще сырой, обрывки туч спешат покинуть небо. Я еду на велосипеде по своим будничным делам. Слышится музыка из окон домов, плач ребенка и крик его встревоженной матери.

Густая волна свежесваренного кофе накрывает с головой, за ней томно следует аромат утренней выпечки. Запахи касаются кожи шелковой косынкой, плетут свой паучий рисунок. Легкая вуаль морского бриза, звон хрусталя, флердоранж...

Город дышит в унисон с морем и горами, он медленно входит в тебя с каждым вдохом и уверенно течет по венам,

заставляя забыть прошлое, настоящее и потерять интерес к будущему. Все, что хочется в этот момент, это крутить педали, улыбаться прохожим и своему отражению в витринах. Город – часть тебя, часть твоей души, он целиком занимает твое сердце. Гостеприимный, он лишь слегка устает от гостей к концу сезона. А сейчас июнь, и море освежает прохладой. Утром можно встретить людей в майках и шортах и тут же – в кожаных куртках, джинсах и тяжелых ботинках.

Как любой уникальный аромат, Аликанте подходит не всем. Кому-то здесь тесно, душно и скучно, а кто-то уже не представляет жизни без него.

Преимущество и проклятье маленького города в том, что незаметно пройти по улице не получится, всегда нужно иметь в запасе часок-другой, потому что обязательно встретишь знакомых и не сможешь отказать себе в удовольствии выпить кофе и послушать новую историю...

– Слушай, дорогая, я тебя год не видел, чувствую, сто лет прошло, молодеешь только, сестра Бенджамина Баттона какая-то!..

Смеюсь в голос: комплимент с *переподвыподвертом*.

– И что? Что я скажу людям? Я устал полчаса тратить на разъяснения, где эта Грузия. Смирился и говорю, что из России... Ах, я ваш дом труба шатал, сколько дел, сколько дел! Бегаю, кручусь, обернусь иногда, а уже середина...

– Жизни?

– Всего. Всего середина! И теперь каждый шаг – это еще

ближе к надписи «The end».

– У нас еще куча времени, поверь.

– Времени, может, и куча, а ясность мысли может покинуть.

– Ну что, поговорим о погоде или о здоровье?

– О суете. Нельзя суетиться, спешить...

– Ты же делаешь сотню дел одновременно, как ты без скорости?

– А вот приостанавливают иногда.

– Поясни...

– Смотри... Только никому, ладно?

– Да кому я могу...

– Э-э, дорогая, думаешь, я лезгинку танцевал во дворце Кремлевском, Горбачев в первый ряд сидел, с ума сходил, а твои рассказы не читаю? Всему миру расскажешь.

– Читаешь?

– Читаю. И книгу жду.

– Вот ведь какой, знаешь, с какой стороны в душу влезть... Умаслил.

– А то! Для тебя только это и важно в жизни.

– Так что с остановкой?

– Ехал к женщине, спешил так, что мотоцикл ревел, и упал. Нога болит, колено опухло. Но я же не могу женщину расстроить... Туда-сюда, ночь, звезды... Вино открывал, песни пел, стихи читал. Сама понимаешь... Смотрю – уснула. Бегом в госпиталь!

- И что?
- Пырэлом в трех местах.
- Боже, и как ты себя чувствуешь?
- Сейчас кофе допьем, и на реабилитацию пойду.

Город деловито гудит, оживляясь к полудню. Он делает вид, что работает и учится, чтобы уже к трем замереть в знойной сиесте. День сменяется яростным вечерним танцем и умиротворенным предрассветным часом.

Город уже начал танец любви с тобой. Он то притягивает, то отталкивает. Дарит надежду и тут же предлагает проверку на прочность. Раздутых щек хватает только на первые мгновения. Здесь не опознают по одежке, тут встречают и провожают по уму, по открытости, по готовности помогать и ничего не ждать взамен.

Счастливые люди поют

С утра достала все свои носки и хаотично-красиво разложила по квартире. А знаете, в этом что-то есть...

Рынок овощей и фруктов, Аликанте. Две великолепные сухонькие сеньоры в крупных бусах и серьгах, в костюмах а-ля английская королева торгуются с продавцом черешни:

– Три пятьдесят? Три пятьдесят?! Вот эта вся куча стоит столько?

Продавец – клон Антонио Бандераса, только выглядит лучше и крепче, потому что фермер, жизнь на свежем воздухе, физический труд и тра-ля-ля. Он закатывает глаза, цокая выразительно языком:

– Мои красавицы... Черешня только созрела. Три пятьдесят за килограмм.

– Да мы и за пять кило этой мелочи двух евро не дадим!

– Да и не надо. Такие знойные девчонки могут попробовать бесплатно!

– Больно надо гнилье твое пробовать!

Сеньоры, подергивая плечиками и потрясая браслетами, отправляют первые ягоды в накрашенные рты.

– Мм... мня-им... мнм... мм... мда!

Продавец демонстрирует ровный ряд белоснежных крепких зубов, выхватывает из-под прилавка гитару и громко по-

ет:

Soy un hombre muy honrado,
Que me gusta lo mejor
Da' mujeres no me falta
Ni el dinero, ni el amor.
Jineteando en mi caballo
Por la sierra yo me voy,
Las estrellas y la luna,
Ellas me dicen donde voy.
Ay, ay, ay, ay
Ay, ay, mi amor
Ay, mi morena de mi corazon.
(Я мужчина добрых нравов,
Ценю все самое лучшее
И на женщин щедро трачу
Я и деньги, и любовь.
На коне своем верхом
По горам скачу,
Луна и звезды
Мне указывают путь.
Ай-ай-ай-ай!
Ах, моя любовь!
Ах, смугляночка дорогая моя!)

Сеньоры поднимают руки вверх, щелкая пальцами, слов-

но кастаньетами, подпевают; народ вокруг присоединяется – кто нотой, кто каблуком.

Песня.

Девять утра!

Так же стремительно продавец прячет гитару, пристально глядя в глаза одной из подруг, спрашивает:

– Килограмм?

Она заворуженно кивает, но вторая громко кричит, хлопая в ладоши и высоко вскидывая руки:

– Оле! Два давай! – игриво подмигивая продавцу.

«Бандерас» смеется, запрокинув голову.

Тяжелые кольца невероятно гармоничны на узловатых пальцах.

Перламутр маникюра.

Темный загар.

Каблук устойчивый.

Юбка на ладонь выше колена.

Падрушенька

История с поющим продавцом на рынке получила неожиданное развитие.

Сегодня с утра суббота. Пляж в Аликанте закрыт для купания из-за смертельно-опасных медуз. Эти «кораблики» принес восточный ветер из Португалии, и они не исчезнут, пока вода не потеплеет. Поэтому мы пошли на пляж смотреть на красный флаг и валяться в песке.

Посидев часок под пальмой, поняли, что прошляпили рынок. Вернувшись домой, повторяли сухими губами мантру: «Зато мы все вместе погуляли и подышали морским воздухом». Как будто последние пять лет дышим каким-то другим.

Завтра все магазины будут закрыты: воскресенье – святой день, все разлагаются как могут, потому я решила запастись кабачками в крохотном магазинчике фруктов и овощей «Fruterna».

За прилавком стоял пакистанский юноша. Молодость прекрасна искренностью и красотой даже при лишнем весе. Взгляд огромных глаз пронзает до глубины души. У меня, когда душа открыта, можно лицо не красить, взгляд прилипает намертво.

Юноша громко запел пакистанскую народную песню. Пес-

ня получилась протяжная, со скорбным вздохом, слова в нее подпирались по известному принципу – что вижу, о том пою.

Незамедлительно мои брови приподнялись.

Объяснение не заставило себя ждать:

– Парень, что в четверг пел, продал всю черешню и, кажется, гитару. Только я петь так, как он, не могу, поэтому своими словами... Что желает подруженька?

Так и сказал по-русски: *падрушенька*.

В последнее время я не переносу фамильярности. Ну что ж, могу себе позволить. Потому тактично, потрясая «серединой души», попробовала объяснить, что я ему «подруженькой» могла бы быть лет тридцать пять назад. И если он реально хочет быть галантным, то пусть выучит слово «сударыня».

Думала, умрет со стыда.

Белыми губами он прошептал:

– Я так и знал: она меня хорошему не научит. Мама так же сказала.

Позеленев лицом, схватился за сердце и добавкой к кабачкам щедро сыпанул черешни. Правильно, мы же ту, что «Бандерас» продавал, так и не попробовали.

Успокаивала я как могла, купила еще арбуз – в знак того, что не обиделась и мужу доносить не буду.

Зато научилась разбираться в пакистанской музыке. Там все просто: есть мелодия, и ее все знают. Мелодию берешь и поешь то, что сам сочинил. Хорошо любил: «Вот радость

в сердце, словно цветок пиона, расцветает, озаряет счастьем и любовью все вокруг. Купи, прекрасная, еще тыкву». Плохо любил: «Ай, мама, прижми к своей груди; тучи – занавес небес, солнце скрыли, и в тени наш сад. Давай огурцов добавлю».

Жду реакции русскоговорящих женщин города. Ведь мы с продавцом выучили фразу по-русски: «Сударыня, как сделать ваш день лучше?»

Надеюсь, и ваш день, мои верные друзья, стал лучше.

Братки

Площадь Пио Досе (plaza Pio XII) – маленькая и уютная. За десять шагов ее можно пересечь. В мае тут расцветают пышными шапками розы. В этом году на нас пролились какие-то чужие дожди, видимо в спешке решившие, что уже прибыли на место. Природа здешняя не растерялась, пустившись в бурное зеленение и цветение. Можно пить запах свежескошенной травы.

На площади одна из самых вкусных пиццерий в городе, по средам кусочек тонкого теста из правильной муки с сыром и чем только захочешь стоит всего один евро. В остальные дни – полтора. Его съедаешь на лавочке, прямо на улице, вокруг суется голуби в надежде урвать корочку.

А напротив – угловое кафе «Torre». В нем и сесть негде: прилавок, и всё. Но готовят изумительные домашние бутерброды. С чем хочешь. Хоть болгарский перец на гриле, хоть глазунью на тонкий квадратный хлеб водрузят. Обычно все забегают, хватают бутерброд и кофе на вынос и несутся дальше радоваться погоде, ветру, облакам.

Сегодня мы видели такую картинку.

Около входа стоит раскладной стол с двумя разнокалиберными стульями. Один на колесиках, офисный, второй – плетеный, с несуразной подушкой вместо сиденья. На них сидят

два реальных... ну вот правда, самых реальных братка! Уже покрасневшие от климата и выпитого – танки солнца не бо-
ются – пьют водочку. Один просто ест с большой тарелки ан-
чоусов. А второй, выпив рюмку, зажимивается с глубоким
вдохом и крепко целует большой золотой крест, что висит на
медвежьей шее на цепи.

Я не уверена, но, может, он ее и с дуба того, где ходит
пушкинский кот, подрезал. Или купил по случаю. Больша-а-
ая цепь... Ею и закусывал.

– Ну что? Будем.

– Будем...

Молчание.

– Бедно живут. Жалко испанчиков этих. Глянь, кильку ка-
кую мелкую принесли.

– Это анчоусы.

– Один хрен.

– Правильно, что одни поехали. Без этих...

– Да. Сами. Куда хотим, туда и идем.

– Да. Ну, будем!

– Будем.

– Вернусь, вообще к маме отправлю, в деревню.

– Там им и место.

– В тмутаракани.

– Будем!

– Будем.

– Без языка – и куда я поехал? На тебе, выкуси! Вон, смот-

ри, что делаю без университетов. Эй! Человек! Подь сюды...

Владелец бутербродной, он же и официант стихийно возникшего уличного кафе, приветливо кивнул:

– Lo que os gustарна ? (Чего бы хотелось?)

Браток развел выразительно руками:

– Сделай нормально, пердоньте и грациес.

Через минуту на столе стояла большая тарелка с сыром и хамоном.

– Вот видишь, все ж понимают. А она: без языка, без языка... Кстати, это идея!

– Будем!

– Будем.

– Без языка.

– Красоты не убавит.

– А нервы сбережем!

Они громко расхохотались.

– Ты список покупок не потерял?

– Смеешься? В сейф положил. С собой копия.

– Это правильно, это по-взрослому. Ну, будем?

– Будем.

Машины двигались по своим маршрутам, люди с интересом рассматривали туристов, планета, не снижая скорости, крутилась вокруг солнца, плавно удлиняя тени и приближая вечер.

Аликанте, я люблю тебя

Люблю этот город. Много раз говорила эту фразу.

Я иду быстрым шагом, и солнце вежливо прячется за прозрачные облака. Все равно иду по теневой стороне улицы. Доносятся обрывки фраз, музыка плавно течет из открытых окон машин.

Полноватая сеньора в длинном легком халатике на больших пуговицах и со смешными цветочками по подолу тянет на тонком поводке *задрожистую* трясущуюся собачку. Сеньора седая как лунь и коротко подстрижена, розовая кожа просвечивает сквозь короткие волосы, как и у собачки. Они отражения друг друга.

Сеньора ворчит под нос:

— На тебя, какашка, всю пенсию трачу... — и заходит в магазин для животных.

Я перевожу взгляд на табло аптеки и с радостью вижу: «+28». Лето выдохлось. Как же мы ждали эти дни! Наступает тот самый бархатный сезон, во время которого королевский двор переезжал к морю и менял меховые одежды на бархатные. Впрочем, в нашем городе бархат случится скорее в декабре, да и то ненадолго.

Навстречу идет утомленная женщина в ярком макияже и увесистых украшениях. Ее сарафан открывает взорам

встречных пешеходов пышную грудь и сутулую спину. Дама, брезгливо и не разжимая губ, цедит по-русски тонкому прозрачному мальчику в длинных шортиках и беленькой футболочке:

– Как же ты надоел своим нытьем, ни за какие коврижки не поеду больше в такую жару... Вот! Смотри, магазин, купим мороженое.

Они заходят в мастерскую мотоциклов с милым названием «Госпиталь для мото». Мальчик, почему-то тонким басом, произносит:

– Как-то тут... *намотоцикленно*.

Улыбаясь, иду дальше, здороваюсь со знакомыми и иногда с незнакомцами. Присаживаюсь на лавочку в тени оливы дивного возраста, когда ствол уже потрескался и покрыт морщинами времени, а само дерево все еще плодоносит. Глубоко вдыхаю солоноватый воздух.

Из задумчивости выводит звенящий голос:

– А я вас узнала! Вы – Стрельцова.

Вздыхаю с улыбкой:

– Виновата.

Смеемся.

– Напишите мне что-нибудь, пожалуйста, я маме отдам. Она вас читает.

– А сама мама-то где?

– Она там, – машет мне десятилетняя обладательница серебряного голоска со взрослым лицом.

Вдалеке, под сенью другого дерева, сидит миловидная женщина в инвалидной коляске. Она смущенно машет рукою. Я подхожу к ней, здороваюсь. Она так улыбается, как будто увидела Баскова.

Мне неловко – ведь это внимание незаслуженное, я действительно так думаю. Прошу милых дам подождать немного и бегу в ближайшую *локуторию* – место, где можно воспользоваться компьютером, интернетом и принтером. Распечатываю первый попавшийся рассказ с сайта «Проза.ру», подписываю и возвращаюсь к ним.

– Вот. Возьмите, пожалуйста.

Наклоняюсь, чтобы обнять женщину в инвалидном кресле, и почему-то плачу.

Быстро прощаюсь и ухожу в сторону дома.

Послушайте, ради этого стоит жить!..

Случай на Меркадо Централь

Как уже все поняли, я обожаю возраст дожития испанских пенсионеров и их самих. Они живут в далеком от нас совершенном мире танцев с ходунками и утренних парикмахерских.

Изредка я покупаю что-то на центральном рынке Mercado Central. Выглядит старейший крытый рынок Аликанте скорее как музей, внутри поражая роскошью и разнообразием. А иногда и ценами.

В этот раз зависла в сырном.

Поскольку меня читает и *санкционная* территория, то опустим абзац про сыры. Хотя в тот день были скидки.

В очереди стояла за расчудесной сеньорой в розовом костюме в стиле «Твин Пикс» и в шляпке-таблетке такого же неподражаемого цвета. Небольшой устойчивый каблук ярко-фиолетовых босоножек сверкал прозрачным материалом, внутри которого, кажется, плавали рыбки. Педикюр изумрудный. Сумочка – оранжевая. Браслетов – девяносто два, по количеству ее дней рождения. Первый, как и полагается, подарили крестные, потом год за годом коллекция росла, пока их владелица не вышла замуж. Семья выдохнула с облегчением, передав право на дарение браслетов мужу.

Сеньора на учтивый вопрос молодого продавца-крепыша

годков двадцати, что желает прекрасная, сразу перешла к делу:

– Моей внучке восемнадцать лет, она очень добрая девочка и унаследует мой чалет.

– Прекрасно, – ответил, улыбаясь в сорок три жемчужных зуба, продавец. – А в холодильник мы что положим?

– Так что я бы хотела сказать? Положим мы вот эти чудесные сырные закуски. Вы, кстати, какое вино предпочитаете?

– Сколько вам положить закусок?

– Вы бы хотели увидеть мою девочку? – сеньора достала небольшую замшевую книжечку, открыв ее, показала фото, на котором красовалась сбитенькая брюнетка с немного косящими глазками, но в целом – кровь с молоком.

– О-о-о! – вымолвил продавец. И добавил на весы еще полкило закусок.

– Боже, – прослезилась сеньора, – какой воспитанный мальчик, он понимает меня с полуслова!

Расплатившись, она достойно покинула место своего выступления, но, сделав два мелких шажочка, обернулась и сказала молодцу за прилавком:

– Я найду тебя в «Инстаграме»!

Продавец посмотрел на меня взглядом человека, который теперь видел в жизни все. Изобразив смешное понимание на лице, вставила свое слово:

– Она не теряет надежды никогда!

– Да-а-а! – рассмеялся он вместе со всей очередью.

Выйдя на воздух, я приостановилась на секунду, чтобы взглянуть на часы. Жаркий сухой воздух полуденного Аликанте сразу наполнил легкие и погнал быстрее в тень.

Я так и не научилась покидать рынок до солнечного всевластия. Все знают – вампирам солнце не слишком полезно.

Низкий с хрипотцой голос вывел меня из задумчивости:
– Вот вы! Да-да, я точно вижу, что вы – русская! Здравствуйте! Пожалуйста, помогите, погибаем, нас тут привезли и бросили на произвол судьбы. О боже, такое солнце, куда вам его столько?!

Две прилично пожилые дамы лишнего веса в ситцевых цветастых халатах несуразной длины – до середины икры, с пластиковыми пляжными сумками на согнутых руках, зонтом-мутантом от солнца наперевес в потрепанном чехле с бахромой и сложенным ржавым шезлонгом сверлили меня изможденными глазами. Одинаковые мужские короткие стрижки идеально подходили к тонким нарисованным бровям и пухленьким капризным губам цвета бордо. А складки на загривках предупреждали о бойцовском характере. Педикюра для них не существовало. У одной спиленные до основания ногти были покрыты йодом.

От дам чуть пахло перегаром.

Я улыбнулась:

– Чем вам помочь?

– Скажите, где море? Нас привезли и бросили!

– Море прямо по вот этой улице, – я махнула рукой, – и

налево.

– Мы не найдем!

– Давайте я вам в телефоне проложу маршрут.

– Мы не умеем!

– Вон в том киоске продается карта города.

– Она дорогая. Нам не надо!

– Хорошо, я вас сейчас научу простой фразе: «Dynde estó la playa de Postiguet?»

– Мы никогда это не выучим!

– У меня есть блокнот и ручка, я вам русскими буквами напишу: «Донде эста ла плайя дэ Постигет?»

– Мы не хотим! Вы что, ничего не понимаете?!

– Хотя бы интернет в ваших апартаментах есть?

– Толку-то... Мы им не пользуемся!

– Из принципа? Или личной неприязни? – раздражаясь, я вышла из зоны терпения.

– Не умеем! – хором гордо сказали соотечественницы и уставились на меня так, что подумалось, не снимают ли нас скрытой камерой. Показалось, что я им задолжала как минимум сопровождение по городу.

Еще раз слабо махнув в сторону моря рукою, попрощалась.

В спину прилетело ожидаемое:

– Ну, что я тебе говорила... Эти все, кто *пооставалси*, зазнавшиеся!

Перекинув зонт, как рыцарское копье на турнире, они

двинулись вглубь рынка.

Обернувшись через плечо, одна из них крикнула мне:

– На том свете встретимся!

Шалунишка

Прежде чем продолжить еще не начатое повествование, напомним, что я – зеркало. Как и любое повидавшее виды стекло, люблю чудить и подглядывать. И сейчас постараюсь о-о-очень аккуратненько отразить...

Каждый понедельник и среду веду Капельку, мою младшую дочь, на английский и потом имею целый час свободного времени. Идти домой нет смысла, поэтому хожу, задабривая свой счетчик шагов. Я пишу о нем сейчас совсем шепотом, потому что Клара ужас как его невзлюбила и ревнует со всем размахом матросского танца «Яблочко». Она прозвала его «дурнев счетовод» и всячески оттачивает на нем сарказм.

«Счетовод» молчит, потому что отвлекаться от счета не прописано в программе.

В этот понедельник неспешно прогулялась в «Лидл», магазин еды и всякой всячины, и на обратном пути остановилась на светофоре у широкой улицы. У этого светофора есть маленькая хитрость: пешеходы должны сами нажимать на красную кнопку и ждать для себя зеленого сигнала. Но я все время про это забываю. В центре перекрестка красуется фонтан с живой скульптурой дракона. Да-да, настоящего дракона, обвитого породистым плющом, внутри бесконечно

рассыпающихся мелких брызг.

Свежий ветер принес запах цветущих иудиных древ и свежескошенной травы.

И вот стою я на светофоре, стою... Долго стою, как вы уже поняли. А мимо идет крошечный... сказать больше – *трогательный* старичок. У него размер ноги меньше размера ножки моего маленького сына, горбик на спине обтянут белой рубашечкой в тонкую клеточку. Штанишки коротенькие, кожа прозрачная, каждую венку видно. И шляпа соломенная, заливчатски заломленная с одного бока. И лицо такое... хитро-шаловливое. Хулиганистое, я бы даже сказала.

Старичок остановился около меня. Машин не было ни одной, но внезапно они двинулись сплошным потоком. А дедушка вдруг, недолго думая, крошечными шажками засеменял в самую гущу.

Все, конечно, остановились, пропуская хулиганишку, покачивая головами и посмеиваясь:

– Hombre! ¡No te apresures! Esperaremos! (Мужик, не спеши, мы подождем!)

Сзади раздался глубокий раздраженный вздох. Обернувшись, увидела спортивную велосипедистку непонятного возраста – мою ровесницу или чуть старше.

На русском, с аканьем, меня спросили:

– Вы что, не нажали кнопку?

– Нет. Простите... Я все время это забываю сделать!

– Забывает она... Столько времени потеряла!

– Я наблюдала за этим милым хулиганом, – показываю глазами на пешехода.

– Наглый, как все здешнее старичье! Как будто все им обьязаны, вся жизнь в Испании для них!

Зажегся зеленый, и велосипедистка уехала с легкой пробоксовкой, а хулиганчик, он же «наглое старичье», приготовился переходить дорогу в обратную сторону, явно наслаждаясь процессом.

Подумалось, что ни фига у меня не получается отражать так, как всем бы понравилось.

Но раз уж все свои *отражения* я сдабриваю описаниями, то добавлю, что этим же днем видела, как одна женщина мыла светофор напротив моего дома.

Она оглянулась по сторонам, достала из аккуратной кожаной сумочки тряпочку-микрофибру, бутылочку с распылителем, поднялась на самые носочки, прыснула на выпуклые глаза светофора и быстро-быстро протерла их. После, не оглядываясь, ушла в сторону центра, а чистые глаза замигали часто-часто и переключились на зеленый свет.

Ло Морант

Розмарин после дождя сошел с ума, пахнет так, словно летит на Марс и никого не боится.

Северный русич силен привычками. Налетел шторм, разверзлось небо ливнями. Но лишь только не стало влаги, летящей вниз, тут же парк заполнила русская речь.

За пару кругов ко мне долетели обрывки фраз. Звонкий девичий голосок:

– Шишел-мышел-пернул-вышел... Тебе водить!

Двое серьезных мужчин с тяжелой походкой. Настолько плавной и весомой, что сразу хочется прыгнуть в кусты и замереть. Со вздохом:

– Не знаю, как теперь будем отмазываться...

Маленькая девочка в пушистой розовой кофточке, рассказываясь на качельках:

– Бабушка, тебе холодно?

Бабушка с улыбкой:

– Холодно, внученька. У тебя-то кофточка теплая, а я на-легке вышла.

– А тебе, бабулечка, моя кофточка мала. Ты хорошо кушала в детстве и выросла большая-пребольшая.

– Это так. А ты совсем плохо ела сегодня.

– Да, – со вздохом ответила девочка, – зато я дольше про-

ношу эту кофточку.

Седина оттеняется круглыми деревянными серьгами, опускающимися до самых плеч. Невысокая мягкая дама, завернувшись в нежную шаль, совсем тихо шепчет в телефон:

– Как? Как я могу ее заставить переехать? Это же невозможно понять, даже прожив год. Только время сможет сменить цвет восприятия, радость от свершившегося... да-да-да, я понимаю, личный пример... Я стараюсь. Я сама недавно оставила свои страхи. Погода? А знаешь, именно сейчас счастье – дождь... Такой, как у нас всегда. А здесь раз в год... и я тебя... и я...

Наматываю круг за кругом. Тучи ушли, и небо сменило цвет на розовый закатный, кислая тонкая нотка в воздухе щекочет нос. Кто-то уже затопил камин. Не из-за холода, скорее для уюта и печеных зефирок. Влажные порывы ветра стряхивают град крупных капель на голову и лицо. Ты поднимаешь его вверх, зажмуриваясь от удовольствия. Прохлада только вступает в свои права и еще пьется до одури, до головокружения большими глотками.

Аликанте хорош тем, что любой циклон, проносясь по всей Европе, затихает тут, теряя пыл, легким дождичком завершает свое земное существование. Как будто вся его сила уходит в ненасытную песчаную почву и возвращается наутро буйным цветением всего, что может расцвести за ночь.

Plaza de Toros

Абсолютно плоская женщина в таком же плоском обтягивающем терракотовом трикотажном платье шла мимо. Никаких выпуклостей, платье-карандаш, и сама женщина – стройный карандаш. Шлепанцы на тонкой негнущейся подошве оранжевого цвета. Я мысленно окрестила его «пыльным апельсином».

– А вот и нет, – воспротивились шлепанцы, похожие на утонченные таблички-*тунпумы* терракотового цвета со сливочным оттенком.

Женщина с короткой черной стрижкой остановилась напротив меня, озираясь и явно поджидая кого-то с прямой спиной и слегка сжатыми губами. Я невольно засмотрелась на нее. Выпуклости двух маленьких грудей были одинаковы по размеру с выступающими тазовыми косточками.

Чем же она питается?.. Наверное, угрями, лакрицей и багетами. Всем, что длинное и ровное.

Женщина, заметив взгляд, несколько виновато улыбнулась, смущая меня. Затем обратилась с вопросом:

– Скажите, это Пласа-де-Торрос?

– Да, это она. Но у вас деловое свидание или романтическое?

– А это важно?

– Конечно. Там, где мы сейчас с вами, обычно проходят деловые встречи. Люди сразу идут пить кофе во-о-он в то кафе с изумительной выпечкой. А через дорогу – тоже Пласа-де-Торрос. Но! Там фонтан и статуи быков в полный их бычий размер. Пока рассматриваешь подробно все выступающие детали...

Она захихикала вместе со мной и придвинулась ближе.

– ...Так вот, пока рассматриваешь, то приходишь в *будоражение*... в состояние легкого возбуждения, если хотите. Тонкий прием местных ухажеров, ищущих быстрой добычи.

– Да? – спросила женщина-карандаш. – А я вот что подумала... Все равно мой деловой партнер задерживается. Пойду-ка я как следует рассмотрю быков. Да... Что-то я давно быков не рассматривала. Что скажете?

– Я скажу, что рассматривать быков обязательно нужно. Лишнее будоражение еще никому не повредило. А потом кофейку.

– А багеты там есть? – неожиданно спросила дама, подмигнув мне.

Опешив, выкрикнула ей вслед:

– Есть! Багеты там, конечно, есть! И угри... там обязательно должны быть угри!..

Случай на бульваре

Пробегая по утреннему бульвару, получила чудесную картинку в свою коллекцию. Настырный молодой бульдог с мощной грудью и кривыми передними лапами тащил куда-то со всей непомерной силой крупного пузатого мужчину.

Мужчина, так же криво переставляя ноги, семенил за псом и громко кричал в телефон:

– Si, si, si! Entiendo? Entiendo. (Да, да, да! Понимаю? Понимаю.) – Немного снизив тон: – Ох, бля, еще б понять, что там ты говоришь... – И снова громко: – Si, si! Esperar! Esperar! Llamar mi amigo! (Да, да! Ждать! Ждать! Звонить моему другу.) Одну минуту, por favor!

Набрал что-то в телефоне:

– Леха! Бля, да где тебя носит?! Тут послушай, чего от меня хотят... Ой, отвалился... Что? Что я ему сказал? «Entiendo». Ага, что я все понял. Ох ты ж... Да как же это... Погоди, не вешай трубку, я его перенаберу – послушай, может, там важное что...

Городские сказки

Пуговкины сказки

В одном приморском красивом городе, там, где всегда светит солнце, цветут сумасшедшие цветы и много симпатичных полицейских, жила-была самая обычная волшебница. Вернее, она пока сама не знала, что волшебница, поэтому вела очень тихую и размеренную жизнь.

Все началось в самый обычный и ничем не примечательный день, когда волшебница, проходя мимо самой обычной помойки, заметила, что кто-то выбросил старые вещи. На одной из них поблескивала интересная пуговица. Она была выпуклая, гладкая и немного с блестками внутри. Как будто кусочек далекой планеты прилетел через весь космос и теперь призывно подмигивал.

Надо бы мне вам сказать раньше, но мы же только начали разговор... Так вот, наша волшебница немного шила для собственного удовольствия и была очень предусмотрительной персоной. В ее сумке всегда лежали вещи самой первой необходимости. Например, наперсток, нитки, иглолка, крошечные ножнички и печенюшка.

Итак, она некоторое время смотрела на пуговицу. Затем

поспешно достала ножнички из своей сумки, оглянувшись, не смотрит ли кто на нее, отстригла пуговицу и положила в кармашек сумки.

Эта пуговка положила начало ее коллекции. Волшебница стала посещать блошинные рынки в поисках интересных пуговиц и, хотя еще не представляла, для чего они все могут послужить, страстно собирать их. Самые разные по форме и характеру, они тихо лежали в отделениях большой деревянной коробки, которую волшебница заказала у смешного маленького бородатого столяра. И он, к слову сказать, сработал на славу, обив мягким бархатом шкатулку внутри и отшлифовав снаружи. Он не стал покрывать темное тяжелое дерево лаком, позволив ему дышать и менять цвет со временем.

* * *

Рождению чуда всегда предшествует некое незаметное, но очень важное событие. Знак, который и знаком можно было бы не считать, но все же невозможно не заметить, и впоследствии всегда становится понятным, что это и есть самый что ни на есть пусковой механизм для начала важного и значимого.

Волшебница решила прогуляться по вечернему городу. Она выбрала удобные замшевые туфли и перчатки, затем ровно одну минуту смотрела на себя в зеркало, а после, взяв сумку, вышла на воздух, который, напомним, был морским, теплым и свежим, ведь волшебница жила в маленьком приморском городке.

Она шла вдоль пестрой набережной, любуясь спокойным видом моря, как вдруг увидела девушку, которая одиноко плакала, закрыв лицо руками. Девушка сидела на скамейке, и плечи ее трогательно вздрагивали. Волшебница почувствовала непреодолимое влечение помочь плачущей, чувствуя тепло и силу внутри, в своем сердце.

Она никогда раньше не делала подобного, но все же, сделав глубокий вдох, подошла и, слегка кашлянув, сказала:

– Милая девушка, не стоит плакать из-за мужчины с отстраненным высокомерным лицом и расчетливым сердцем. Скорее всего... он был неудачно женат и прочел много неправильных книг. Он совершенно бесполезен в домашнем хозяйстве и не хочет слышать подле себя детский смех.

Девушка изумленно подняла свои заплаканные глаза и тихо спросила:

– А вы откуда все это знаете? Я даже подруге не говорила...

– Я и сама не знаю, откуда знаю, но мне бы очень хотелось вам помочь. Вы позволите?

Не давая девушке опомниться, волшебница достала нитку с иглой, надела на нос очки, порывшись немного в сумке, вынула из самого маленького кармашка ту самую космическую пуговицу и почти молниеносно, но при этом прочно и аккуратно, пришила ее к внутренней части воротника куртки девушки.

– Это зачем? – спросила, оторопев, девушка.

– На удачу, дорогая.

Волшебница продолжила свою прогулку, а девушке расхотелось плакать. Она решила вернуться домой к маме. Подходя к дому, девушка заметила, что мать моет окно, помогла ей закончить уборку, а потом они вместе приготовили простой, но вкусный ужин. После они улеглись в свои кровати, уснув счастливыми.

Может, конечно, пуговица была и ни при чем, но именно с этого самого момента жизнь девушки повернулась в нужную сторону.

* * *

Волшебница уже и не помнила про тот случай, но внезапно почувствовала непреодолимое желание пришить пуговицу соседу по лестничной клетке. Ему бы подошла маленькая кокетливая пуговка с четырьмя отверстиями, но волшебница постеснялась проявлять инициативу, все-таки мужчина не был близким другом, просто соседом.

Ветер носил по декабрьским улочкам обрывки бумаги и листья, кружа над прохожими, резко обрывая неровный танец у подножья горы Бенакантиль. В этом ворохе волшебница нашла именно такую пуговку, которая бы подошла соседу. Набравшись смелости, поздно вечером она выглянула во внутренний дворик. На разнокалиберных веревках в патио сушилось соседское белье, в том числе пиджак соседа. Волшебница украдкой пришила пуговку к обратной стороне

лацкана и скрылась в своей квартире, тяжело дыша от волнения.

Буквально на следующий день, когда пиджак соседа высох и тот его надел, последовала целая череда необычных событий. Например, машина не завелась, и ему пришлось бежать на автобус. Раньше, за рулем, он любил представлять, что встретит свою женщину для счастья, и придумывал ей разные образы. А в толчее утреннего транспорта и в окружении новых и не всегда приятных запахов он раздражался.

Автобус качнуло на повороте, и мужчина еле удержал равновесие – в отличие от милой женщины невысокого роста в странном коричневом пиджаке с пуговицами в виде божьих коровок: она неловко навалилась прямо на него, в последний момент ухватившись за лацкан пиджака.

– Ой! – вскрикнула женщина.

– Я держу, держу! – успокоил мужчину.

– Я благодарю вас, но позвольте спросить...

– Спрашивайте, – почти умоляюще ответил он.

Он смотрел в ее зеленовато-карие глаза и думал, что если она сейчас спросит, где зарыта его коллекция старинных орденов, он ей расскажет.

– Откуда у вас *это*?

Она ткнула коротким ухоженным ноготком в пуговицу-красавицу, что пришила волшебница.

– Э-э... – только и смог выдавить из себя мужчина.

– Вы не подумайте, что я сумасшедшая, просто я букваль-

но на днях потеряла точно такую и жутко расстроилась, потому что найти ей замену совершенно нереально. Понимаете? Я сама шью одежду и все подбираю с большим пристрастием.

– Серьезно? – мужчина, улыбаясь глазами, легким кивком указал на божьих коровок.

– А что? Что вам не нравится? Это, между прочим, уникальные пуговицы из керамики, выполненные на заказ в единственном экземпляре. И я все свои пуговики узнаю с первого взгляда.

– Я готов вернуть вам вашу пуговицу. Но с одним условием...

– Я согласна, – неожиданно для самой себя ответила женщина, густо покраснев.

Она вышла из автобуса, оставив неповторимый запах и номер телефона. А он долго смотрел ей вслед и понимал, что всю жизнь искал именно такую пуговку. Маленькую, гладкую, блестящую, украшающую мир собою.

* * *

Следующий случай, когда волшебница почувствовала непреодолимое желание пришить пуговицы соседским девочкам, идущим на экзамен, принес ей известность в городе. Экзамены были сданы блестяще, и люди стали рассказывать друг другу о женщине, способной творить чудеса и исполнять желания, надо только, чтобы ей захотелось пришить

тебе пуговицу.

Ей стали дарить пуговицы и даже присылать их по почте. Она не была уверена в том, что события, значимые для новых владельцев пуговиц, происходят из-за того, что она их пришила, но и не могла игнорировать эту странную связь. Когда же она знала, что человек нуждается в ее помощи, то испытывала радостное возбуждение и странное щекотание внутри.

Скоро ее милое увлечение стало бременем. К ней подходили незнакомые люди и начинали рассказывать свои истории, кто робко и запинаясь, а кто требовательно и решительно, настаивая на том, чтобы она исполнила желание. Чудо не рождается под принуждением, но это невозможно объяснить людям алчным и эгоистичным.

Волшебница пыталась затвориться в доме, но затворничество не шло ей на пользу, и она все реже чувствовала вдохновение.

Однажды, взяв в руки коробку с коллекцией пуговиц, она подошла к окну и швырнула их все разом в нарастающий ветер. Затем выбежала из дома и долго быстрым шагом шла вдоль моря, подставляя лицо брызгами и утирая слезы рукавом. Она не знала, как быть дальше. Бремя славы душило ее, в то же время предоставляя ей возможность быть кем-то, в ком люди нуждаются.

– Кажется, это ваше... – услышала она приятный мужской голос.

Высокий мужчина наклонился над нею, протягивая большую деревянную пуговицу. Она отпрянула в испуге, спрятав за спиной руки и мотая головой. Мужчина продолжал протягивать ей свою находку, а ветер крепчал и захватывал город и все вокруг в свой поток. Неожиданно сильный порыв ветра поднял пуговицы, что она выбросила из окна, и понес их над городом. Люди поднимали головы, ловили крошечные знаки судьбы и, не в состоянии объяснить возникшее чувство, устремлялись к морю.

Волшебница сидела на выступе скалы и не могла вымолвить ни слова: люди возвращали ей ее предназначение, ее дар. Вздохнув, она начала распахивать своих вернувшихся друзей по карманам, понимая, что нельзя отказываться от того, что дано свыше.

Теперь по воскресеньям волшебница приходила в тихое место под старым фикусом недалеко от центральной площади и пришивала всем желающим пуговицы. И не она выбирала их, позволяя это сделать самим людям.

Город с благодарностью принял новое волшебство и живую достопримечательность.

Приезжайте к подножью Бенакантиль, вдохните морской бриз, и, может быть, вам повезет – вы получите свою пуговицу в подарок и обретете веру в чудеса и в самих себя.

Сказки для добрых

Бабушка называла ее Пичужкой.

Девочка рано осталась одна. Не то чтобы родители ее покинули, просто они решили, что она взрослая девочка. Конечно, мама причесывала ее по утрам и завязывала бантик на тугой косичке, но при этом все время смотрела куда-то сквозь Пичужку. И вечером, целуя в высокий лобик, всегда говорила одними губами:

– Спокойной ночи... – тихо закрывала за собою дверь, а девочка выглядывала из-под одеялка в надежде найти того, кому мама говорила это самое «спокойной ночи».

Став чуть старше, Пичужка научилась сама причесываться и плести не такую тугую, какая получалась у мамы, но все же красивую косу. Мама стала уходить на работу, пока Пичужка спит.

Теперь каждое утро Пичужка искала себя. Учитель истории сказал однажды, что задача каждого человека в жизни – найти себя. И наша девочка первым делом с утра искала себя. Зовет, кличет, под стол заглянет, за окно посмотрит: где же я, где?.. В шкафу платьями бабушкиными пошуршит, и тут старый круглый будильник с треснутым циферблатом тихонько напомним, что в школу пора идти. Пичужка вздыхает и выходит из дому: вдруг она по дороге в школу себя

найдет – это же неизвестно, где ты себя оставил.

Так проходили дни.

Пичужка хорошо училась и наводила порядок в доме к возвращению родителей с работы. Мама часто звонила и спрашивала, все ли в порядке, разговаривая словами вроде бы понятными, но будто сказанными другому человеку.

«Вот бы изобрели видеотелефоны, – думала Пичужка, – я бы посмотрела, кому на самом деле говорит все это мама. Может, он знает, где я себя оставила...»

Бабушка девочки очень любила готовить. Скорее всего, она искала себя в бесконечных котлетках, супчиках, пирожках и оладушках.

А Пичужка стала примерять на себя платье сказочницы. Как будто жила-была сказочница, только вначале она не знала, что сказочница, и ограничивала себя рамками правды. А потом оказалось, что даже если подробно расскажешь, как все было, какого цвета шарфик у Петровны и что курил Захар Алексеевич, то никто не поверит, и скажут: «Гадость какая несусветная!»

В чудесный вечер прекрасного времени года, когда цветет жасмин, и запах его вовсе не удушлив, а свеж и тонок, она решилась... и, рассказывая за чаем историю, добавила что-нибудь от себя. В «от себя» поверили все без исключения, и даже прозвучали аплодисменты.

Пичужка-сказочница приободрилась и как давай врать по полной, а люди верят! Ей стало стыдно: она бога боится, на

небо теперь только искоса смотрит и повторяет: «Прости меня, прости меня... Я же красного словца ради. Очень грустно одной... Жаждет душа признания».

И главное, что интересно: как только она скажет чистую, истинную правду, ну все как было, так сразу ей по башке: на тебе, вот ведь какая врушка, врет и не краснеет! Смирилась она со временем и решила, что сказки на то и сказки, чтобы людям было во что верить. В чудо-то всегда проще верить, чем в провал.

А потом Пичужка отважилась и написала несколько сказок. Время, пока она созревала, убежало так далеко вперед, что уже и видеотелефоны изобрели, и радио никто не слушает, всё прямо так из космоса с помощью интернета хватают. Только там так много информации скопилось, до небес! И люди хватают, а усваивать не успевают. И называют это блужданием в тумане. Автора не помнят и повторить толком тоже не могут, а книга хорошая. *Послевкусие* такое, знаете ли. Интересное. Да-да, атмосферэ-э-эрное...

Написав несколько сказок, отправила их Пичужка издателью. Ей повезло, попался добрый и мудрый человек. Он сказал, что даже Толстому с Достоевским имеет что сказать, так что критиковать такую молоденькую мадмуазель ему не делает чести. Главное, что все равно люди читают.

А она осмелела и начала писать про все подряд. Про все на свете. И забыла, что надо искать себя. Потому что если не искать, то вроде как и не нужно вовсе. Когда человек делом

занят интересным и сердцу приятным, то *саму себя* само собой находишь.

Повезло Пичужке. Первый издатель – он как первый мужчина. На всю жизнь. Не избил критикой и не перехвалил, чтобы глаза не замутило.

А вот потом нажились грамотные люди. Они назвались *филологами*. И ничего-то толком объяснить не смогли – кроме того, что Бунин страшно теперь расстроен. А он вообще-то умер уже, Бунин-то.

Пичужка погрустнела. Потому что живого человека расстроить не страшно, его же потом обнять можно и целовать в заплаканные глаза. А мертвого обидеть – это уже очень серьезно.

А ночью Бунин взял да и приснился ей.

– Пиши, – говорит, – хоть как. Научишься потихоньку.

– А вы меня не видели? Я уже много лет саму себя ищу.

– А как же, видел.

– Где, скажите, где?!

– В каждом слове твоём, от которого тепло людям в душе... или если слово стремление задуматься рождает.

– Спасибо большое, я вам очень признательна.

И стала Пичужка жить спокойно и сочинять всякое себе на радость и людям на забаву. А главное, поняла, что те, кто жестко критикует, на самом деле свою боль так выражают. Они не делают хорошо, а только еще больше травмируют. Не обязаны все писать как гении... или ваять скульптуры как

боги. Но каждый может выражать себя искусством. И обязательно всех надо хвалить.

Хотя... если «накласть», «текёт», «ихний», «здесь», «ложит», «садит», то можно вздохнуть глубоко с печалью.

Рисунок городской сказки

Frank Bliss
21. 06. 1919

Москва, «Фрунзенская».

Покинув полупустой вагон метро, идешь по пустынной станции, трогая кончиками пальцев гладкие прохладные мраморные стены. При проектировании постановление о запрете излишеств не коснулось этого подземного дворца.

Поднявшись на поверхность, зажмуриваешься. Внешний мир набрасывается радостным псом с высунутым языком и счастливыми преданными глазами, который привлекает внимание, виляя хвостом.

Время, когда уже солнце покинуло свой зенит и с притихшей силой льет чистый свет. Тени удлиняются, и летний центр Москвы лишь слегка затихает в послеполуденное время. Не знаю, как сейчас, а во времена моих страстей это было заметно. Знакомые сердцу дома отдыхали, поблескивая окнами.

Если слушаешь музыку в наушниках, спрятавшись от остальных звуков, то окружающее становится декорацией к фильму. Двигаешься внутри фильма, рассматривая лица проходящих мимо людей, деревья и окна домов. Краем глаза можно увидеть бегущие титры. Время как будто замедляется. И кажется, что проходишь сквозь толщу прозрачной воды, поэтому успеваешь заметить незначительные мелочи. У высокого подростка развязан шнурок. Киваешь ему, улыбаясь, глазами указывая на волочащуюся яркую полосу. Он отмахивается и через несколько долговязых шагов споты-

кается. «Вынужден признать вашу правоту», – говорит его сгорбленная спина. Он приседает у края тротуара и завязывает кислотный шнурок.

Несложно буквально за несколько шагов дойти до парка Трубецких, выбрав самую тенистую лавочку, тихо опуститься на нее, закрыв глаза. Тогда музыка завладевает тобой безраздельно. Мой любимый второй концерт для фортепиано Рахманинова.

Я бы хотела, чтобы вы читали рассказ, слушая эту совершенную музыку. Скорее всего, она расскажет каждому именно то, что он хотел бы услышать.

* * *

Таисия чувствовала стеснение. Всегда. Она стеснялась роста и лица. Своего имени. Она рисовала и пела втайне от всех. И всегда думала, что это ничто, не значит ничего, только кратковременное замирание после, дрожь в теле. Истома накрывала лишь на миг, но и этого было достаточно, чтобы застегнуть все пуговицы и убрать волосы в гладкий высокий хвост. Зачем смотреть людям в глаза, если можно рассматривать носки своих туфель. Тогда люди не боятся привирать и лукавить, чувствуя себя свободней. Говорят, говорят, говорят... Главное в этот момент – улыбаться. Придя домой, закрыться в большом платяном шкафу и беззвучно петь для самой себя, создавая музыкальных монстров из музыки людей и собственных незрячих слов.

Таисия всегда чувствовала чужие эмоции. Понимала гнев, боль, радость, возбуждение. Если она не успевала избежать рукопожатия или взгляда в самую сердцевину ее души, то долго еще носила на себе отпечаток чужого сгустка эмоций. Это вынуждало ее сторониться людей и переполненного транспорта, выходить на свежий воздух в те самые часы едва различимого затихания города.

Квартира, где она жила, находилась неподалеку, в старом доме постройки двадцатых годов прошлого столетия. Высокие потолки и широченные подоконники вместе с деревянными облупленными рамами дополняли образ ветхого жилья. Полы скрипели так, что в сумраке ночи весь подъезд слышал, кто из соседей объелся арбуза поздно вечером.

Квартира напоминала старый пиратский корабль. При ее внушительной площади она была совершенно не приспособлена к человеческой жизни. Дом причислили к памятникам архитектуры, но реставрировать не собирались. Квартира в центре столицы – вещь ценная, однако находилась в таком плачевном состоянии, что вся ценность улетучивалась от одного взгляда на глубокую чугунную эмалированную раковину на кухне. В ней, без ванны и душа, можно было мыться частями.

Бытовые неудобства не смущали Таисию. Она приноровилась наводить чистоту в глубоком тазу с высокими бортиками и радовалась скрипучему полу. В затихающем городе она начинала медленно ходить босиком по квартире, и пол пре-

вращался в огромный рояль с гигантскими клавишами. Таисия убыстряла темп, бегала по квартире, и скрипучие доски отвечали нежным дребезжанием, а музыка разливалась глубокими волнующими волнами вокруг.

– Счастье – жить внутри рояля... – пела она тихим шершавым голосом. Внутренний песок самобытно присыпал звучание ее песни:

Счастье жить внутри рояля,
Слышать музыку небес,
И играть, не прикасаясь,
И дышать, теряя вес...

На последнем аккорде она замирала, вскинув тонкие руки, вытягиваясь всем телом вверх. Затем падала на мягкий теплый коврик и сразу засыпала.

Маленькая мышка, живущая в старых перекрытиях, сбрасывала оцепенение, вызванное музыкой, и, утерев крошечной лапкой слезы с мордочки, спохватывалась, суетливо убегая доделывать свои бесчисленные мышьиные дела. Но каждый раз она благодарила мышинового бога за эти мгновения счастья и музыкального наслаждения.

Таисия же спала, подрагивая ресницами во сне, и просыпалась наутро всегда в хорошем настроении. Она рисовала на выцветших обоях новый цветочек или облачко, и рисунки на мгновение оживали, чтобы после замереть плоскими

отражениями ее фантазий.

Когда-нибудь она изрисует все-все стены от пола до потолка, и дом наполнится цветом и силой. Сейчас же старая скрипучая квартира обветшала и выцвела. Впрочем, Таисии нравилась желтоватая потертость стен, потрескавшаяся краска пола и слегка мутные стекла окон, исцарапанные еще в то время, когда всё мыли речным песочком. И, если бы не странный обычай жителей города добывать деньги, она бы в жизни не покинула свой рояль. Но деньги нужны даже полуволшебным существам, и Таисия ходила на работу. Радовало только то, что в скромной нотариальной конторе, где она работала, ей надо было лишь набирать текст на компьютере. Лицом офиса была настоящая секретарша с губами, волосами и ресницами. Но, к сожалению, печатать быстро и грамотно она не могла.

В один из весенних дней Таисия пришла в офис пораньше. Ей давно хотелось побыть одной в этом странном серо-белом месте. Для оправдания своего поступка она прибралась на столе, аккуратно стерла пыль, стараясь не задеть паутину в углу стеллажа с пухлыми папками. Тихим шепотом успокоила паучка Леонида, который сонно тер глазки и волновался. Нет, конечно, она не потревожит его шелковый гамачок, ведь они давние друзья. Но никто об этом никогда не догадается.

Раздался сильный напористый стук, неожиданно резко дверь распахнулась. Таисия вскрикнула, но только внутри

себя. Конечно, этот вскрик никто не услышал, разве что паучок Леонид приосанился, готовый вынуть свою острую сабельку и защитить подругу, пусть даже ценой потери паучьей жизни.

На пороге стоял высокий черноволосый молодой мужчина. Он казался одним из тех, кто носит костюм. Это очень умные и дисциплинированные костюмы. У них четкая, поставленная речь и острые когти. Души их никогда не сопровождают, потому что хранятся за семью банковскими кодами и без печати и подписи не существуют. А с собой костюмы их не приносят: души могут спутать все планы и расчеты.

Все знают, что души сотканы из легкомысленного света звезд. В мороз на улице в тонком шифоне танцуют, на оголенные провода мокрыми ступнями... да что там говорить, сами все знаете, глаз да глаз за ними. Так и норовят спеть во время серьезного судебного заседания или стихи посочинять на переговорах. Нет, определенно, если хотите сделать хороший бизнес, то душу закройте на замок за толстыми стенами и не кормите перед важным рывком, пусть спит усталая и голодная. Потом покажите ей тихонечко спектакль новомодный и в музее отпустите на два шага от себя полюбоваться красками. И обратно домой...

Итак, мужчина смотрел на Таисию и делал вид, что сверлит строгим взглядом. Таисия же почему-то расслабилась и стала рыхлой, воздушной, как взбитые белки. Сверлить белок совсем неинтересно – ни звука, ни опилок.

Мужчина поздоровался, сделав широкий шаг вглубь комнаты. Протянул широкую крепкую ладонь Таисии. По привычке спрятав руки за спину, Таисия ответила тихим шепотом:

– Здравствуйте... – и замерла.

Мужчина сделал еще один шаг, выхватил спрятанную руку собеседницы из-за спины, нежно пожал. Теплые волны, прокатившись по всему телу Таисии, сорвались вниз, заставляя глупо улыбаться. Она зажмурилась, чувствуя радость: внутри костюма была душа. Скромная, сильная, одинокая, она рвалась к новым чувствам и уговорила костюм взять ее в тот день с собою, а теперь... Теперь она затрепетала, завибрировала, наполнилась красным горячим глинтвейном, запахом апельсиновых корочек и горького шоколада. Она затрясла светлыми волосами, стряхивая вокруг сахарную пудру и маленькие ванильные пончики.

Воздух потеплел от запаха выпечки.

Таисия почувствовала желание быть ближе к мужчине. Она, не прерывая рукопожатия, протянула вторую руку и тихонечко дотронулась до его лица. Через мгновение звук волн, разбивающихся о борт небольшого судна, заглушил стук их сердец. Горячий тягучий поцелуй наполнил все внутри и снаружи счастьем...

– Таисия!

Рык нотариуса, вошедшего в собственный офис, в мгновение ока вернул серо-белесому пространству обычный вид.

Таисия не могла прервать такое родное прикосновение, и мужчина, сморгнув наваждение, усилием воли разорвал рукопожатие.

– Простите, – он кашлянул, – я немного не в себе...

– Душу надо дома держать! – рявкнул нотариус. – Она у всех есть, но так дела не делаются!

– Конечно, конечно, – сказал мужчина, – вероятнее всего, приду завтра, а сейчас отведу ее домой.

– Как пожелаете, – уже смиренным тоном ответил нотариус и добавил: – А ты – уволена.

Ровное глубокое дыхание Таисии стало почти осязаемым дуновением северного ветра.

– Леонид, мы уходим... – выдула она слова свежим порывом.

Паучок резво запихнул паутинку в крошечный дорожный чемодан, подаренный еще бабушкой на совершеннолетие, щелкнул золотыми замочками и ловко взобрался Таисии на плечо.

Гордо вскинув голову, Таисия плыла километровыми шагами к дому. Ее нес северный ветер, и она оказалась на месте почти мгновенно.

Душа мужчины начала скулить, ерзать, заглядывать в сердце. Сердце держалось из последних сил, но вскоре заполнилось гремучей смесью жгучего любовного перца и горячих слез. Мужчина, схватившись за грудь, побежал вверх

по водосточной трубе к небу, опираясь на серые тяжелые тучи, рвал на себе рубашку. Потерял папку с документами. Блестящие ботинки свалились с ног и теперь бежали рядом с ним, стараясь не отставать. Северный ветер направлял этот странный молчаливый бег.

Единственное желание охватило костюм и его душу – вновь почувствовать в своей руке крошечную тонкую ладошку, слегка влажную от волнения и с еле заметной мозолькой на большом пальце. Осязать волшебный запах ландышевых волос и обнимать крепче и крепче, любить и оберегать, кормить воздушным и петь у вечернего окна тихие песни старых каминов...

Трезвый звонок мобильного телефона прогнал ветер, обрушив влечение. Ботинки с испуганным хлопком упали на землю, а мужчина в который очнулся. Солнце умерило пыл.

Мужчина, страдальчески и глубоко вздохнув, выдохнул трепет души. Она сникла, подобралась, понурившись, залезла вглубь костюма и застыла.

* * *

Таисия, почувствовав, что ветер утих, вошла в квартиру. Рояль откликнулся ровным приветственным аккордом и, вздохнув в терцию, пропустил самые больные ноты, чтобы не усугублять чувства, не терзать рваные края от утерянного.

– Как же так?... – непонятно к кому обращаясь, спросила вслух Таисия и впервые без бега в музыкальный шабаш усну-

ла рядом с теплым ковриком, не снимая ботинок, не выпив горячего чая, не пожелав душе спокойной ночи.

В темноте произошедшего блестели два круглых умных глаза маленькой мышки. Она волновалась и спешила по своим бесконечным мышьиным делам. Но возвращалась вновь и вновь к свернутому калачику девичьего тела, понимая, что произошло что-то очень тяжелое и важное. Потом она принесла мохеровые, радужного цвета нитки с люрексом, когда-то где-то украденные, и беззвучно кивнула Леониду.

Леонид собрал смелость и весь свой талант в восемь мохнатых кулачков и связал к полуночи бесконечный обволакивающий плед. Таисия, согревшись, заулыбалась во сне. Мышка, немного успокоившись, принесла пару жирных мух Леониду. Он наелся до отвала и сыграл ей на семиструнной паутине старинную испанскую балладу. Признался, что особенно любит серебристый проблеск люрекса в паутине серых дней. Мышь то и дело поправляла плед вокруг Таисии, переживая, что же теперь будет с привычкой добывать деньги. А затем юркнула в далекие пыльные подвалы с сырыми углами. Утром, когда первые лучи развеяли ночные страхи и согрели пустоту комнаты, мышка вернулась, неся в острых зубках бумажную денежку. Целую тысячу рублей.

Леонид спал, развалившись на краю пледа. Тонкая струйка платиновой слюнки текла из уголка рта. Мышка тихонечко положила купюру около лица Таисии и окончательно погрузилась в наступающее утро.

Но Таисия не просыпалась. Ей было хорошо в царстве снов. Тепло и спокойно. Она не спешила выныривать из океана фантазий и сбывшихся мечтаний. Рояль скучал и ждал ее шагов, но она все спала и спала.

Потом вернулась мышка и растолкала Леонида. Они молча смотрели на замершую любовь. Так трудно любить костюм, который прячет душу. Но что делать, рукопожатие любви отменить невозможно. Если оно состоялось, никто во всех измерениях и вселенных не вправе его отменить, не в силах заставить забыть.

– Придется еще постараться, – решили мышка и паучок.

Несколько раз серая хозяйюшка подпрыгивала, и вот наконец цепкий коготок ухватил тончайшую нить лунного света. Леонид приступил к работе. Он соткал тончайшую шаль, которая могла накрыть всю планету своим теплом и светом, но при этом уместилась в самых маленьких лапках мира. Мышка свернула шаль и, не позволив себе полюбоваться ее красотой, побежала искать душу. Она нашла ее, полусидящую в дальнем углу темнейшего из шкафов, застывшую и разбитую. Укрыла шалью, согрела и повела за собой.

Костюм почувствовал неудобство, волнение и странную пустоту. Но, как обычно, он был сильно занят, распределяя деньги по многочисленным счетам.

Но не тут-то было: мужчина, воспользовавшись занятостью костюма, тайно взглянул на лунную дорожку ночного неба. Взгляд приковался к Луне оковами дамасской стали,

нырнув в светлую глубину спутницы Земли. Там он почувствовал шаги серенькой мышки и тяжелую поступь измученной души в легкой лунной шали. Мужчина снял престиж и уверенность, высокомерие прижал тяжелым дубовым столом к стене и вышел в окно офиса. Первый шаг на лунную дорожку был осторожным, но затем он осмелел и побежал за душою, увлекаемый зовом любви.

Он нашел спящую Таисию и замер, не шевелясь. Смотрел на нее, наполняясь жизнью. Душа кружилась в воздушном танце, расплескивая брызги лунного света, которые падали на старый потертый пол. Рояль ожил. Он вторил танцу новой светлой мелодией.

Таисия зашевелилась, но не вырвалась из плена своих снов. Мужчина встал на колени, обняв ее, едва касаясь, поцеловал в ландышевый затылок. Таисия вздохнула и открыла глаза.

На другом краю реальности надрывно вскрикнул костюм, теряя всю свою строгость и стрелки на брюках.

– Чем вы будете жи-ы-ыть... вы утратили привычку добывать деньги! – рыдал он.

Но влюбленные не слышали его, купаясь в свете луны и своей любви, и только мышка отодвинула тысячную купюру подальше от вихря объятий: денежка пригодится, когда они разомкнут губы и оторвут взгляды друг от друга. Она хитро подмигнула Леониду. Паучок шутливо отсалютовал:

– Все понял, свяжу кошелек! А мухи есть?

– И мухи есть, и котлетки есть – ешьте, мои любимые, насыщайтесь. Одной любовью сыт не будешь.

Город вторил мелодии рояля, мелодии старых перекрытий.

Он жил своей особенной жизнью, не нарушая счастья избранных.

Любить Дракона

Дракон спал. Зеленовато-бирюзовая чешуя тускло поблескивала в свете очага, там и тут проскальзывали серебристые чешуйки – указатели пройденного пути и всего пережитого. Он был мудрый и наивный Дракон одновременно. Научился жить среди людей, прячась за невзрачной внешностью обычного человека. Лишь густая окладистая борода говорила о внутренней силе.

Он пошевелился во сне и выдохнул запах старого перегара. Накануне выпито было немало. Он еле дышал и вздрагивал во сне. Сон не приносил отдыха, он лишь помогал прожить еще один день, уснуть без сновидений и не чувствовать боль. Как только она утихала, Дракон становился расчетливым скучным человеком в сером галстуке и серых носках. Яростно пересчитывая золотишко, поучал домашних бережливости. И они терпеливо натирали каждую монетку мягонькой фланелькой, складывая в огромные, обитые кожей сундуки.

Но когда наступали дни полной луны, его влекла неведомая сила в подвалы замка, и он открывал старую подружку, бочку столетней давности, заколдованную самым сильным заклятьем. Именно благодаря заклинанию вино не превращалось в уксус, сохраняя терпкость.

Дракон наливал первый бокал и долго дышал над ним, прежде чем первые капли тягучего, разжигающего страсти напитка касались неба и языка.

– Уф-ф... ж-ж-ж... жеж... – только и мог произнести он. Дальнейший сценарий никогда не менялся.

Он пил крепко, не закусывая, веселясь и покупая дурацкие подарки всем, кто попадался на его пути. Вызывал трубадуров, читал стихи и смотрел на звезды.

И все бы ничего, если бы не жуткий запах, что он начал источать, и жуткий недосып у всего замка, включая самую распоследнюю прачку, поскольку ночью Дракон не давал спать никому, а днем у всех были свои обязанности. И никто из обитателей замка не осмеливался пренебречь ими, памятуя со страхом об огромном пятне в главной торжественной зале. Это еще дедушка Дракона, знаменитый Херберт, увидев грязь на своем любимом камзоле, спалил прачку дотла. И стену завещал не отчищать. В назидание потомкам.

Дракон просыпался, подслеповато щурясь на единственный луч пыльного света из слухового оконца под самым потолком. Слабо начинал шевелить лапами и ползком двигался в подвал, к подружке.

Выходил он уже твердо и пританцовывая. И весь двор молча вздыхал, пряча глаза. А хозяин замка уже хрустел крыльями, вытягивался во всю длину, пощелкивая суставами:

– Э-эх, хороша жизнь! А сейчас – завтракать!

Стол мгновенно накрывался темным гобеленом с причудливой золотой бахромой и уставлялся всевозможными блюдами. Мясо Дракон любил жарить сам, никому не доверял. Плевал жаром прямо в тарелку и подгорелое, с кровью, медленно разжевывал, запивая крепленным из большого причудливого кубка. Пил. Смотрел по сторонам. Иногда спрашивал что-то неожиданное:

– Эй, голубчик, как тебя там?..

– Филимон, ваше драконство!

– Филин... что? Впрочем, неважно. Пойди, миленький, в библиотеку и скажи счетоводу, чтобы посчитал, сколько мы за прошлый год сахара съели.

– Слушаюсь... – только и мог ответить Филимон.

Хорошо, что уже к обеду веки Драконовы смежались, и он забывал о всех своих поручениях, а счетовод на глаз прикидывал на всякий случай, сколько сахара съели, да и забывал о вопросе на веки вечные.

К ночи Дракоша пробуждался с пустотой в желудке и вечным колоколом в висках, хрипло кричал в пустоту:

– А сейчас... танцы!

– Срамные?

– Нет! Сегодня современные.

И врубал танго.

Сам плясал до обморока и всех обитателей замка заставлял, кто давно служил уже и привык к тому, что движение –

жизнь. А кто новенький, тот падал замертво.

Конечно, сейчас должен появиться мудрый положительный персонаж. Например, бабушка Дракона, добрая, слегка раздобревшая Старая Дракониha с подрезанными крыльями. И должна она тихо сказать:

– Жениться тебе пора, внучек.

Но даже я, сказочница, понимаю, что ни одна девочка на свете не заслуживает такого.

* * *

В одну из танцевальных ночей внезапно смолкла музыка и раздался громкий стук в дверь. Дракон издал низкий утробный звук, не сулящий ничего хорошего окружающим и посуде.

Двери отворились, и на пороге появилась она – сорванный высоко в горах цветок на тонком стебельке с золотистыми локонами. Причудливые оборки на платье запылились. На ногах были тяжелые армейские ботинки.

Онемевшими губами слуги прошептали:

– Боже, хоть бы она была настоящей ведьмой... Мы тогда за Дракона были бы спокойны.

Как выяснилось, белокурая бестия обладала навыками чтения примитивных мыслей.

– Спокойно, – сказала она, – я лучше, чем ведьма. Я Хорошая Девочка! – и, воодушевляясь произведенным впечатлением, добавила: – Из приличной семьи.

Все забегали, засуетились, огонь разожгли во всех печах и

каминах. Послали за угольщиком и зачем-то пригласили повитуху. Впрочем, логика в этом есть: повитуха старая, живет за дальними болотами, и если все в сказке сложится, то как раз к рождению первенца она и приползет.

Дракон выдохнул залп самого старого и зловонного перегара и для смелости подышал над вазой с прахом прародителя всех драконов. Нос и язык его онемели, и он галантно кинул в Хорошую Девочку стул. Ловко его поймав, она мирно уселась, сложив ногу на ногу.

Пауза затянулась.

– Окна бы помыть, – произнесла гостья. – Ручей у вас далеко?

– Я спать, – прошипел Дракон и уполз в подвал.

А Хорошая Девочка, надев фартук, вымыла все окна замка. Мыла она их целую неделю и за это время успела раздать всем поручения и маленькие подарки. Конечно, все, от поваренка до счетовода, в нее влюбились.

Она говорила ярко и кратко и всегда то, что действительно думала. А не как теперь барышень обучают: говорить то, что заучишь, а думать хоть на суахили можешь, никто ж не узнает наверняка, прокляла ты или рецепт придумала.

Дракон уже и сам был не рад, что уполз в подвал. Он с удивлением заметил, что солнечный луч из-под потолка теперь не пыльный, а яркий, чисто вымытый. Луч слепил глаза, тербил загривок. Освободиться от этого угрюмого сна ему что-то мешало. Он понимал, что жизнь его изменилась

навсегда, но *принять* такое резкое изменение не позволяла гордость и любовь к единовластию.

Дверь в подвал распахнулась, раздраженно стукнув о стену.

– Я хочу с тобой помолчать, – раздался серебристый напористый голосок.

Вздых с нарастающим рокотом был ответом.

Хорошая Девочка, развернувшись на каблучках, вышла из подвала, молча приказав следовать за нею, и Дракон вынужденно пополз, стекая по ступенькам и растворяясь в новом дне.

Она шла уверенно и легко, а он страдал от странного теплого чувства в области сердца и голода.

– Это мы сейчас исправим, – промолчала Хорошая Девочка и швырнула Дракону небольшую козлиную ножку. Он, опалив ее на лету, проглотил не жуя. Но что это?.. Божественный вкус и мягкость мяса повергли его в восторг:

– Мм!..

– Мятный маринад и немного киви. Киви размягчает любое мясо.

– Ум-м... мм... гр-р...

– Я так и думала, что тебе понравится.

Она игриво дернула плечиками, направляясь к выходу. Дракон поспешил за ней.

День ждал за дверью и торжественно представил потоки солнца в легком танце сотни-другой бабочек. Цвели луга с

пасущимися парнокопытными всех мастей.

– Отличная погодка, не правда ли? – спросила она.

– Смотря для чего... – ответил он.

– Для прогулки молчания.

– А можно мне еще того мяса?

– Сколько угодно, – пообещала она.

Дракон поймал себя на мысли, что чувствует себя необычно легко и тихо. Хотелось прыгнуть в ледяной водопад, взлететь к самым звездам, а потом слегка прикоснуться к лаве в новом вулкане, который пробуждался вместе с его сердцем.

Мелькнула шальная мысль – сжечь все к драконьей прабабушке. Он отмахнулся от нее – уж очень пламя внутри его тысячелетней души приятно грело, наполняя новыми мыслями.

Дракон подхватил Хорошую Девочку на руки и впервые спросил ее имя.

– Зови меня Радость, – ответила она, глядя ему в глаза тем самым серьезным взглядом, которым обычно мама Дракона смотрела на него после школы.

Продолжая пристально смотреть друг другу в глаза, они кружились в воздухе, растворяясь в новых ощущениях и блаженном отсутствии мыслей.

* * *

Замок торжествовал. Хозяин остепенился, засиял чешу-

ей, восстановив физическую форму, не шаркая больше при ходьбе пузиком об пол.

Хорошая Девочка поднималась по утрам рано и успевала сделать замок счастливым к пробуждению Дракона. Несмотря на то что дурное расположение духа по утрам – признак королевской генетики, ему ничего другого не оставалось, как глупо улыбаться и сыпать триста круассанов в бочку с крепким латте.

Сложно сказать, что явилось спусковым механизмом для дальнейшего развития событий, но в то утро Радость выбежала из замка затемно и, заслушавшись соловьев в дальнем лесу, не вернулась к завтраку. Дракон глупо поулыбался с полчаса и полетел ее искать. Не найдя, вернулся обратно, бесцельно побродил по замку и случайно заглянул в темнеющий проход в нижний подвал. Сверкнула синеватая искра на секунду, и он на автомате спустился в знакомый погреб – навестить подружку.

Вскрикнули испуганно ржавые петли:

– Ой, что же будет!

Дракон обернулся через плечо, прижался широкой грудью к полу, ощерившись, прошипел:

– Тихо, я на тридцать секунд... я тридцать капель. Тридцать пять...

Радость сразу поняла, что что-то изменилось. Строй серых облаков шел маршем, удлиняя тени предметов на земле

и скрывая свет солнца. Вороны закружились над башнями, трубадуры пустились в долгий путь по направлению к замку.

Она бежала, задыхаясь, не оглядываясь, но когда вошла в замок, уже было поздно. Расталкивая многочисленных гостей, бросилась к подвалу.

Дракон полусидел, привалившись спиной к каменной стене замка, обнимая подружку: раскрасневшаяся морда с мутным взглядом.

– Милая... ик... Я искал тебя...

Она не могла поверить своим глазам. Смотрела на него молча, без укоризны, без осуждения. Так смотрят на набедокуривших детей, на дурачков деревенских.

Глаза Дракона слипались, он с трудом поднимал сонные веки.

– Как же мне повезло с тобой, Радость... Ты-то за что так попала? Как же ты так ошиблась? – спросил он и уронил голову на грудь.

Глубоко вздохнув, она накинула на него мешковину, что валялась в углу, и вышла из подвала.

Жители замка уже стояли у выхода.

– Я вернусь, – пообещала она. – Постарайтесь избавиться от гостей.

– А когда вернешься? – спросил самый маленький поваренок.

– Когда прольется последняя капля надежды.

– А где мы ее возьмем?

– Она есть всегда, но появляется в самый последний момент.

* * *

Дни тянулись невыносимо долго. Зарядил нескончаемый мелкий серый дождь, стены замка напитались водой и потемнели.

Дракон просыпался от слабого толчка внутри сердца и медленно осознал, что что-то потерял. Искал одним лишь взглядом потерянное – и снова прикладывался к своей бесконечной подружке.

Жители замка забросили свои дела и бесцельно бродили по многочисленным комнатам, кидая растерянные взгляды в окна. Но никто не приходил.

Настал день, когда Дракон не открыл глаза, не оживил себя тридцатью волшебными каплями. Он медленно, сантиметр за сантиметром, превращался в серый тусклый камень.

Замок застыл, и только счетовод остался сидеть в библиотеке, перечитывая многочисленные книги и разбирая приходящие по привычке письма: приглашения на фуршеты и балы, презентации и театральные постановки.

Когда и счетовод решил покинуть замок, он аккуратно сложил свои счета и книги и в последний раз спустился в подвал. С жалостью посмотрел на окаменевшего, как статуя, Дракона. Из глаз счетовода вытекла незаметная скупая слезинка и медленно сползла вниз. Казалось, она падает целую

вечность, но в итоге упала на каменную макушку замершего исполина.

Веки Дракона дрогнули, и он вздохнул. Трещины покрыли каменную оболочку. Дракон, резко расправив крылья, протяжно рывкнул утробным глубоким рыком, вскочил на ноги:

– Танцы!.. Музыка!.. Который год?!

От неожиданности счетовод, попятившись, оступился и упал на пол.

– Так нет никого, вы окаменеть изволили...

– Не впервой же...

– На моем веку – впервой, ваше драконство.

– Есть хочу.

Дракон опрометью бросился на кухню.

– А-а, – яростно вращая глазами, прошипел он, – нет ничего! Не страшно, зови всех обратно, жалованье за время моего сна заплатить. Я свежатинок охотой добуду! – и вылетел, выбив раму с витражным стеклом, в окно.

Так бывало уже много раз: после смерти окаменения он возрождался сильным и молодым, готовым к новым свершениям и буйным вечеринкам.

Голод разрывал его внутренности на части. Вдали он увидел убегающую молодую лань. Решил не опалять пламенем, побыть животным и резко спикировал к своей жертве. За секунду до того, чтобы схватить крепкими когтями нежное тело, страхнул морок, сфокусировал взгляд: раскрыв объятия,

перед ним стояла Радость.

Хорошая Девочка не показывала, насколько ей страшно. Она почувствовала, что последняя капля надежды пролита. И вернулась.

– Неси меня домой! – скомандовала она.

Уже через мгновение очаг горел в главной зале; вернулись все, от самого маленького поваренка.

Дракон наелся до отвала и, довольно вздохнув, сказал:

– Долго эта чертова повитуха плетется, слетаю за ней завтра...

Радость лишь манерно закатила глаза.

Вскоре замок наполнился детским смехом и хлопанием крошечных чешуйчатых крылышек.

А счетовод, незаметно подсев к Хорошей Девочке, спросил самым тихим шепотом, на который был способен:

– Он же снова может все это повторить? Как ты решилась вернуться?

Она медленно повернула свое лицо к нему и так же тихо, но очень твердо ответила:

– Если любишь Дракона, будь готова, что рано или поздно он тебя съест.

Три страха

Плыть к горизонту, к скрытому легкой дымкой острову Табарка, к буйкам, к мистическим далям... Плыть столько, сколько позволят мышцы и легкие. Пока не утомили волны или не понесли сами обратно к берегу, к песку, к детям.

От моря никогда не ждешь подвоха, но оно преподнесло подарок: небольшая черная медуза обвила левую руку. Боль обожгла мгновенно. Схватив тварь, отцепила, отбросив как можно дальше, но новой волной ее снова кинуло на меня.

– Я же даже не еда тебе! – крикнув ей, снова оторвала ее щупальца.

Левая рука повисла как плеть. При этом электрические разряды и жжение нарастали. Боль густым гелем растекалась и дошла от кончиков пальцев до плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.